

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-709-721
УДК 81-119

Эмотивные границы экологичности

Наталья Геннадиевна СОЛОДОВНИКОВА

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>, e-mail: tommyboy22@mail.ru

Emotive boundaries of ecology

Nataliia G. SOLODOVNIKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>, tommyboy22@mail.ru

Аннотация. Описана установившаяся взаимосвязь лингвоэкологии и эмотиологии, проявившаяся в возникновении и развитии эмотивной лингвоэкологии. Обосновано употребление понятия «экологичность» в преломлении эмотивности. Рассмотрено влияние эмотивности на границы экологичности. Материалом статьи явился художественный эмотивный текст, на примере которого методом эмотивного анализа установлена его экологичность. В качестве допущения принято следующее: эмотивный анализ универсально применим к любому тексту, как в отношении его функционально-стилевой и жанровой принадлежности, так и в отношении его временной отнесенности; экологичность текста связана с эмоциональной мотивацией его автора и определяется оценочным знаком эмотивов в составе текста. Главным результатом статьи выступило уточнение эмотивных координат экологичности через обращение к роли эмоций как мотивационной основе всей деятельности человека. Основным вывод статьи состоит в том, что экологичность проявляется в эмоциональной мотивации автора, производящего эмотивный текст. Отмечено, почему взаимосвязь эмотивной и экологической лингвистик обеспечивает их взаимное развитие и жизнестойкость. Перечислены основные эмотивные перспективы лингвоэкологии и лингвоэкологические перспективы эмотиологии. Спрогнозированы возможности их дальнейшей интеграции.

Ключевые слова: лингвоэкология; эмотивная лингвистика; эмотивная лингвоэкология; эмоция; эмоциональность; эмотивность; экологичность; экология человека; экология языка

Благодарности: Статья написана в рамках гранта РФФИ в соответствии с исследовательским проектом № 20-012-00418 А.

Для цитирования: Солодовникова Н.Г. Эмотивные границы экологичности // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 709-721. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-709-721

Abstract. We describe the established relationship between linguoecology and emotiology, which is manifested in the emergence and development of emotive linguoecology. We substantiate the use “ecology” concept in the refraction of emotivity. We consider the influence of emotivity on the boundaries of ecology. The material of the work is an artistic emotive text, on the example of which its ecology is established by the method of emotive analysis. As an assumption, the following is accepted: emotive analysis is universally applicable to any text, both in terms of its functional, stylistic, and genre affiliation, and in terms of its temporal relevance; ecology of the text is related to the emotional motivation of its author and is determined by the rating sign of emotives in the text. The main result of the work is to clarify the emotional coordinates of ecology by referring to the role of emotions as the motivational basis of all human activity. The work concludes that ecology is manifested in the emotional motivation of the author who produces an emotive text. We noted why the relationship between emotive and ecological linguistics ensures their mutual development and resilience. We list the main emotive perspectives of linguoecology and linguoecological perspectives of emotionology. We predict the possibilities of their further integration.

Keywords: linguoecology; emotive linguistics; emotive linguoecology; emotion; emotionality; emotivity; ecology; human ecology; ecology of language.

Acknowledgment: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 20-012-00418 A.

For citation: Solodovnikova N.G. Emotivnyye granitsy ekologichnosti [Emotive boundaries of ecology]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 709-721. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-709-721 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В 2018 г. на международном форуме по экологии языка в Болгарии в своём докладе, посвящённом лингвистике и здравому смыслу, С. Димитрова заметила, что «с середины двадцатого века в мировом масштабе намечается переход от индустриального общества к обществу информационному. В лингвистике это чувствуется по появлению массы междисциплинарных работ, сформировавшихся на стыке социального, психологического и философского направлений в языкознании. Одним из проявлений этой тенденции можно признать возникновение эколингвистики, стремящейся к параллельному изучению социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза, учитывая проблемы речевого воздействия (так называемого обратного влияния языка) и проявления в языке предельно общих свойств эволюции общества и познания. При этом следует отметить, что само понятие *экология* расширило неимоверно свой объём и превратилось в название некой интегративной науки» [1, с. 9].

По убеждению цитируемого автора, создателем понятия *экология языка* признаётся Э. Хауген, который определял её как науку о взаимодействиях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается его общество, использующее язык как один из своих кодов. Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям [1, с. 9]. И далее последовал прямолинейный в своей оценочности комментарий, что «*искушённому в лингвистической теории исследователю абсолютно ясно, что в этих словах ничего нового реально нет*» (выделено нами. – Н. С.). Но в то же время также абсолютно ясно, что такой подход к языковому материалу может быть стимулом к новым изысканиям, к созданию новых гипотез и теоретических построений и к расширению лингвистической тематики или, как теперь принято говорить, к обнов-

лению лингвистических сюжетов. На самом деле это так и произошло. Началось всё с создания новой терминологии» [1, с. 10].

С. Димитрова – не единственный учёный, критически относящийся к обоснованности *экологии языка*.

Так, например, с неоднозначным восприятием лингвистического переосмысления терминов биологической экологии лично нам приходилось сталкиваться не единожды. Из частных устных бесед с представителями естественных наук мы узнали, что они объясняют это тем, что не согласны с самим фактом метафорического переосмысления строгого термина, однако соглашаются, что уже не приходится игнорировать появление экофилософии, экопсихологии, экопедагогики и эколингвистики.

Обоснуем, почему мы считаем оправданными термины биологической экологии в соответствующем лингвистическом переосмыслении.

Как известно, под общей (биологической) экологией, по Э. Геккелю, традиционно понимается наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой [2, с. 1530]. В основе перехода от биологической экологии к экологии человека и его языка, по нашему представлению, лежат вопросы о том, хорошо ли в пространстве языка человеку, здорово ли оно с точки зрения экологии или патологично.

Занимаясь поиском ответов на эти вопросы, учёные сходятся в мысли, что экологичной для человека можно считать такую среду, в которой он может оптимально выразить свои мысли, чувства и намерения, а экологичной для языка ту, в которой он не только сохраняется, но и развивается.

Поскольку обе экологии – человека и языка – являются производными от общей (биологической) экологии, очевиден метафорический перенос, лежащий в основе их на-

именования. И экология человека, и экология языка подразумевают «здоровые» отношения с некой средой, сохранение и развитие. Поэтому, на наш взгляд, в обоих терминах «экология» подразумевает «здоровье».

Мы считаем, что в таком понимании здоровьем языка занимается лингвистическая экология, которая, согласно А.П. Сковородникову, представляет собой «исследование проблематики языковой и речевой деградации (исследование факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематики языковой и речевой *реабилитации* (выделено нами. – Н. С.) (исследование путей и способов обогащения языка и совершенствования системы этических и прагматических постулатов речевого общения)» [3, с. 70].

Развивая известную метафору М. Хайдеггера о том, что язык есть дом бытия, и в жилище языка обитает человек, А.П. Сковородников выводит такое следствие: «обитатель «дома бытия», *homo loquens*, и прежде всего эколлингвист, может ограничиться *бережением* (выделено нами. – Н. С.) и охраной своего обиталища, а может, как рачительный хозяин, прилагать усилия к совершенствованию своего дома – языка, разумеется, с учётом специфики его онтологии и закономерностей функционирования» [4, с. 143].

Метафора здоровья человека актуализирована в работах Г. Селье о стрессе и дистрессе: «Мы сами – часть природы и потому должны принять её правила. Этот кодекс совместим с любой религией, политической системой или философией и в то же время независим от них. Мы все дети природы и не ошибёмся, если будем следовать её общим законам в сочетании со своими личными идеалами и убеждениями. Пока человек не вредит другим, он вправе вести наиболее естественную для себя жизнь. Исходя из биологических законов, для большинства людей, и, конечно, для общества в целом лучшее побуждение к деятельности не «возлюби ближнего как самого себя» (ибо это невозможно), а «заслужи любовь ближнего». Этот девиз позволяет человеку выразить себя и реализовать свои таланты с помощью самого могучего средства поддержания *психической устойчивости и душевного мира* (выделено нами. – Н. С.) – «альтруистического эгоиз-

ма», который удовлетворяет присущее всему живому себялюбие, не порождая чувства вины. Такая установка не вызовет нареканий и нападок, поскольку она *полезна* (выделено нами. – Н. С.) для всех» [5].

Метафора здоровья человека и его языка убедительно раскрывается в работе С.И. Маджаевой, которая на частном примере общения врача с пациентом показывает, что «для здоровьесохранительного сотрудничества врачу необходимо строить беседу с учётом психоэмоциональных особенностей, тщательно выбирать речевые средства и формы. Используя специальную лексику, врач должен следовать главному постулату своей профессии: «Не навреди». Каждое слово врача должно обладать терапевтическим воздействием, а не быть направленным на оскорбление и унижение, травмирование больного. Ведь «больной» язык оказывает пагубное воздействие на личность вследствие высокой энергетической мощности слова» [6, с. 210].

Постепенно в науке в отдельное направление оформляется и эмотивная лингвоэкология [7], в которой объединились экология и лингвистика эмоций.

«Согласно этому направлению, человек является существом эмоциональным и, вступая в общение, ожидает, прежде всего, заинтересованности в экологичном обращении с ним, не наносящем вред его здоровью. В данном случае объединяется наука о здоровье человека, наука о сохранении природы и человека как её части в эмоциональном, коммуникативном взаимодействии» [6, с. 208]. Можно говорить о триаде «экология природы – экология человека – экология языка». В совокупности они призваны сформулировать подходы и параметры, соблюдение которых позволит добиться экологичной, то есть «здоровой», оказывающей благоприятное воздействие на человека языковой среды [7, с. 5].

Из данных цитат выводится мысль о том, что человек и язык являются друг для друга взаимовлияющими средами, которые и обеспечивают такое качество, как экологичность («здоровье»: бережность + польза).

Обращаясь к заявленным в аннотации данной статьи пунктам, отметим, что предпосылки возникновения и причины развития эмотивной лингвоэкологии состоят, по нашему мнению, в том, что человек осознаёт

глобальные и частные экологические изменения с непредсказуемыми последствиями как для природы, так и общества. Алармизм сменяется конструктивизмом. При экоцентрическом подходе гармоничное существование человека признаётся такой же ценностью, как сбережение природы. Экоцентрический поворот лингвистики эмоций позволяет говорить о самооценности человеческих эмоций, от баланса которых зависит его удовольствие или неудовольствие от жизни, и которые получают выражение в языке. Говоря в этом смысле об экологии эмотивного языка, мы имеем в виду, прежде всего, пропорцию положительных (приносящих удовольствие) и отрицательных (причиняющих неудовольствие) эмоций, проникающих в семантику слов. Их простой количественный подсчёт в самых разных текстах позволяет выявить тенденцию экологичности/неэкологичности. Последнее было бы невозможно без эмотивного анализа, который мы считаем вполне доступным для каждого желающего обучиться ему средством экологического (само-)мониторинга, (авто-)тьюнинга, балансировки и экологического интеллекта. Означенными выше обстоятельствами можно объяснить необходимость этой области научного знания в российском и зарубежном языкознании. Потребность общества в лингвоэкологическом взгляде на эмоции также ощутима. Это можно подтвердить интересом широкой общественности к статьям, например, только на портале *mail.ru* в рубрике «Здоровье». В некотором смысле данный информационный ресурс выступает популяризатором экологического сознания и мышления, регулярно публикуя материалы, позволяющие всем желающим в доступной форме получить знания о себе. Тот факт, что данная платформа активно функционирует и употребляет как вполне освоенные понятия экологии в психологическом и лингвистическом переосмыслении, свидетельствует о том, что они постепенно приживаются в России и отвечают запросу довольно внушительной аудитории. Это означает небезосновательность и даже пользу самого понятия экологичности. Довольно ощутима и потребность интеграции эмотивной и лингвоэкологической компетенций любого носителя языка. Человека можно и нужно обучать экоцен-

тричности сознания и мышления, чтобы он ориентировался на бережное отношение к миру и себе в этом мире, то есть здоровье.

Семантика терминопонятия «экологичность» в рамках данной статьи представляет для нас основной исследовательский интерес. Расширительная цель данной статьи – обосновать представление об экологичности с позиций эмотивной лингвистики. Необходимость подобного обоснования объясняется тем, что данный термин употребляется в различных работах в качестве самоочевидного, но его границы размыты.

И если создание системы лингвоэкологической и эмотивной терминологии – задача, во многом, решённая такими авторитетными учёными, как А.П. Сковородников и В.И. Шаховский, то разработка терминологического аппарата эмотивной лингвоэкологии – перспектива дальнейшей работы в данной области. И термин «экологичность» нуждается в определении одним из первых, так как он представляется ключевым для понимания сущности эмотивной лингвоэкологии, поскольку является её объектом.

Необходимость привлечения данных эмотивной лингвистики для понимания экологии человека и его языка, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь тем, что ни человек, ни его язык не обходятся без эмоций и их выражения.

Обоснуем связь понятий экологичности и эмотивности. Для этого более подробно остановимся на взаимодействии лингвоэкологии и эмотиологии.

Наши научные взгляды сформировались под влиянием лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского [8]. Эта энциклопедическая по своей полноте и объяснительной силе теория позволяет найти ключ к пониманию того, как эмоции из сферы сознания человека проникают в его язык и какое место занимают в семантике слов. Заслуга В.И. Шаховского состоит в том, что он чётко описал принцип коммуникации эмоций. Он обратил внимание на их объём в семантике слова и показал, как связаны эмоция, понятие об эмоции и слово. В практическом смысле это позволяет заметить, как наши собственные эмоции проникают в язык, как мы их транслируем, как вообще мы можем улавливать эмоциональные смыслы и обмениваться ими.

Названная теория также демонстрирует, что человек хочет и может сделать с собственной эмоциональной сферой.

Итак, В.И. Шаховский смог детально описать категорию эмотивности и предложил способы её изучения. Их суть сводится к тому, чтобы обнаружить и подсчитать в определённом контексте разные типы эмотивной лексики, а также лексики называния, описания и выражения эмоций. Одним из вариантов более детального их изучения является соотнесение лексических эмотивов с разными типами лексических стилистических средств и приёмов. Очевидно, что для подобного анализа подходит текст любой жанровой, функционально-стилистической и временной отнесённости. Владение основами эмотивного анализа, если есть такая необходимость, позволяет каждому общающемуся на том или ином языке человеку расширить собственную эмотивную компетенцию как часть общей коммуникативной компетенции.

Автор российской эмотиологии (лингвистики эмоций) детально разобрался в сути взаимодействия эмоций и языка человека, но его научный поиск на этом не прекратился. Он обратил своё внимание на лингвоэкологию и впервые использовал этот термин в одном из своих совместных с другими авторами трудов [9].

В одной из наших собственных публикаций, написанных в соавторстве с В.И. Шаховским, была предпринята попытка разобраться, какими же были объект, предмет и методы у лингвоэкологии того времени, где её истоки и сколько ей лет [10].

Официальным же началом эмотивной лингвоэкологии как парадигмы, мы полагаем, можно считать проведённый кафедрой языкознания ВГСПУ семинар и изданную по его итогам коллективную монографию [7]. В 2016 г., который был объявлен годом экологии в России, В.И. Шаховский выпустил монографию, посвящённую экологичности [11].

В нашей работе нам в значительной мере помогли продвинутые фундаментальные работы профессора А.П. Сковородникова, который лингвистически переосмыслил многие термины биологической экологии и описал философские обоснования лингвоэкологии [4], а также работы его коллег и единомышленников, опубликованные в журнале

«Экология языка и коммуникативная практика»¹.

В одной из первых публикаций в соавторстве с В.И. Шаховским [10] мы предложили ряд параметров экологичной коммуникации. Их было более десяти, и мы симметрично разбили их на две группы. Мы соотносили модус экологичности с оценочным знаком эмоции, то есть на том этапе устанавливали экологичность/неэкологичность текста через плотность представленных в нём эмотивов с положительной/отрицательной оценкой. Упрощая, в то время мы считали текст с большим количеством отрицательнооценочных эмотивов неэкологичным. И, соответственно, текст с высокой плотностью положительнооценочных эмотивов – экологичным. Всё более очевидным становился тот факт, что эта связь не является прямой, как, например, в случаях этично выраженного праведного гнева. Далее мы более подробно исследовали параметр этичности. Это привело к более глубокому, но до сих пор ещё не до конца сформированному пониманию того, чем же является экологичность, хотя укрепило нас в понимании, что экологичность в значительной степени зависит от эмотивности. В настоящее время мы занимаемся поиском более конкретных обоснований такой зависимости.

В дальнейшей работе нам не хватало данных лингвистики. Мы вполне, как уже отмечали выше в данной статье, соглашались с подходом А.П. Сковородникова к тому, что такое предметная область лингвоэкологии. Однако интуитивно нас по-прежнему, в силу научной школы В.И. Шаховского, в которой мы учились, больше интересовал человек с его эмоциями, транслируемыми через язык.

Развивая собственное понимание экологичности, которое мы пытаемся выработать через большее углубление в категорию эмотивности, мы обратились к работам физиологов ([5] и др.). Актуальными для нас являются следующие мысли: головной мозг человека развит значительно лучше, чем у всех остальных животных, и это позволило ему с помощью логики и интеллекта решить многие проблемы выживания, однако в межлич-

¹ Экология языка и коммуникативная практика. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru (дата обращения: 12.07.2020).

ностных отношениях мы руководствуемся больше эмоциями, чем надежными логическими решениями; инстинкты и эмоции определяют ход жизни, а бесстрастную логику используют только для того, чтобы вернее достичь эмоционально избранной цели [5]. Мы многократно цитируем эти идеи, поскольку считаем их основой эмотивной лингвоэкологии, пока ещё не разработанной до уровня теории, профилактической и терапевтической науки о поведении человека и даже, возможно, научной философии поведения.

Как видно из приведённых цитат, вся коммуникация человека эмоциональна, а производимые им тексты эмотивны. Эмоции по-прежнему интересны науке, постоянно разрабатывающей новые аспекты и подходы к их изучению, в том числе и междисциплинарные, как в парадигме эмотивной лингвоэкологии.

Как самостоятельная область научного поиска эмотивная лингвоэкология в настоящее время только обретает свои координаты и потому обращается к сведениям из других парадигм. В нашем понимании, термин *экологичность* в гуманитарном переосмыслении всё чаще означает бережное отношение к кому-либо или чему-либо, а также здоровье.

Данный подход объясняет связь экологичности и эмотивности. Эмоции человека являются мотивационной основой всей его деятельности, в том числе и речевой [8]. Считаем обоснованным развитие не только лингвоэкологии как отрасли языкознания, предметом изучения которой является «семиотическое здоровье» языка [4], но и эмотивной лингвоэкологии, как науки о «здоровых эмоциях, транслируемых здоровым языком» [10].

Основными параметрами экологичной, то есть здоровой коммуникации мы считаем искренность, доброжелательность и этичность, которые можно рассматривать в качестве побудительных мотивов к общению. Последний параметр также позволяет разграничивать экологичную и позитивную коммуникацию, поскольку позитивная коммуникация, по нашему мнению, не всегда этична, хотя выражает и вызывает хорошие эмоции у общающихся сторон [12].

Итак, в своих работах мы больше сосредоточивали своё внимание на том, что можно

считать здоровыми эмоциями и здоровым языком их выражения, то есть развиваем понятие экологии эмоций в языке.

В эмотиологии эмоция приравнивается к оценке: положительные и отрицательные эмоции являются таковыми потому, что соотносятся с зонами удовольствия/неудовольствия для испытывающего и транслирующего их человека. Следующий логический шаг при таком подходе – это понимание того, какие эмоции разрушительны или полезны для человека и как это можно измерить через языковой материал лингвистическими методами. Релевантно и то, какие из эмоций человек хочет испытывать, выражать и вызывать у других. А поскольку многие эмоции человек транслирует языком, встаёт вопрос об оценочном знаке эмотивов. И особенную значимость понимание созидательного или разрушительного потенциала эмоций приобретает в том смысле, что слова – вторая сигнальная система человека. Мы реагируем на слова. И, как убедительно показано в работах физиологов [5], наши собственные положительные или отрицательные чувства приносят нам пользу или вред самым прямым путём, точно так же мы извлекаем пользу или приносим себе вред, возбуждая эти чувства в других людях. Всё описанное выше делает, по нашему мнению, вполне обоснованной метафору «экология = здоровье».

Таким образом, в настоящее время под экологичностью мы понимаем искреннее и этичное выражение доброжелательности, которое изучаем на примере разных текстов с помощью эмотивного анализа, разработанного В.И. Шаховским, и считаем уточнение взаимосвязи экологичности и эмотивности основной перспективой развития эмотивной лингвоэкологии.

Далее более подробно раскроем взаимосвязь эмотивности и экологичности.

Разрабатывая лингвистическую теорию эмоций, В.И. Шаховский оперирует термином «эмотивность», под которой понимается «семантическая способность слова репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального (языкового) выражения определённых эмоциональных отношений субъектов» и которая «напрямую зависит от типа дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов» [8].

Считается, что эмотивность пронизывает всё жизненное/коммуникативное пространство человека. Играя непосредственную роль в процессе смыслообразования, осуществляемого речевыми партнёрами в пространстве межличностной коммуникации, эмотивность, таким образом, выступает в качестве регулятора жизнедеятельности самых разных представителей социума. Коррелируя с участным мышлением, или, что то же самое, этическим поступком, эмотивность оказывается одним из действенных механизмов становления обусловленной единством *emotio* и *ratio* целостной коммуникативной эмоциональной личности, в которой вербальное и невербальное находятся в гармоничном соответствии, выступая знаком психического здоровья. Эмотивность как языковая категория выходит на качественно иной уровень – уровень универсального метода, способствующего пробуждению собственно человеческого в человеке [13, с. 137].

Известно, что эмоции реактивны по своей природе (поэтому нет «плохих» и «хороших» эмоций, человек не виноват в том, что чувствует), но зона его лингвоэкологической ответственности начинается со стилистики их выражения.

Характеризуя общелингвистическую категорию эмотивности, В.И. Шаховский писал, что «непосредственная эмоциональная реакция говорящих отражает момент перехода от собственно семантического аспекта к аспекту прагматическому (воздействующей силы языка), поэтому учёные в последнее время признают, что коммуникативная функция не является чисто языковой категорией: она – прагматико-психолого-речевая категория. Её эмотивный компонент, то есть эмоциональная окрашенность разговорной речи, требует как практического усвоения, так и теоретического осмысления [14, с. 3].

Полагаем, что теоретическое осмысление эмотивности как прагматико-психолого-речевой категории может осуществляться через связь с понятием экологичности.

Эмотивность является важнейшим элементом прагматики языка, так как она наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых

могут выступать эмотивы – специальные эмотивно-окрашенные средства языка» [14, с. 3].

В этом смысле приходим к парадоксальному выводу, что экологичность – это и есть эмотивность или коммуникативная эмоциональность, которая, в отличие от некоммуникативной (биологической), носит осмысленный характер. Способность человека управлять словесным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры сознания, в зависимости от которых одни и те же эмоции могут находить лексико-семантическое выражение, указывает на интеллектуальность коммуникативной эмотивности [14, с. 10].

Одним из таких фильтров сознания может стать его экоориентированность, то есть прямая заинтересованность в том, чтобы здоровыми оставались и испытываемые эмоции (полагаем, здесь речь может идти о практике осознанности), и языковые средства их выражения (мы исходим из того, что вся стилистика эмотивна).

Поэтому инициальная и терминальная экологичность, на наш взгляд, напрямую связана с эмоциональностью человека и эмотивностью используемого им языка. Модус экологичности зависит от качества оязыковлённых эмоций.

Цель данной статьи (очерчивание эмотивных границ экологичности как качества общения, понятия и категории) приводит нас к необходимости более подробного обращения к пониманию роли эмоциональной мотивации, с точки зрения объяснения вступления в эмоциональную и эмотивную коммуникацию.

Установленный факт, что эмоции являются мотивационной основой всей деятельности человека, в том числе, и речевой. Этот тезис психологии является методологически значимым для эмотивной лингвистики. Поэтому мы считаем невозможным рассуждать об экологии человека и языка, минуя эмоции. И закономерным следствием подобного подхода, на наш взгляд, является потребность привлечения лингвистических данных об эмоциональных мотивах для уточнения понятия экологичности. В данной статье понятие экологичности напрямую связывается с эмоциональностью человека (психологической категорией) и эмотивностью (лингвистической категорией).

тической категорией). «Подобраться» к эмоциональным мотивам вступающего в коммуникацию считаем возможным через их вербализацию в эмотивах, ведь язык, как известно, является ключом к эмоциям.

Согласно авторитетному мнению В.А. Пищальниковой, на уровне психического отражения эмоции являются единственным представителем мотивационной сферы индивида в его наблюдаемой деятельности. Эмоции понимаются как субъективная форма существования потребностей (мотивов) и сигнализируют индивиду о значимости объектов в его потребностной ориентации [15].

Следовательно, если инициальными и терминальными эмоциональными мотивами обеих общающихся сторон выступают искренность, доброжелательность и этичность, можно, как мы полагаем, говорить об экологичности коммуникации. А внешними, измеримыми, трансляторами или проводниками мотивов являются эмотивы, оценочный знак которых указывает на экологичность эмотивного текста.

Сложность экологичности как объекта исследования и описания усугубляется неразработанностью в современной лингвистике соответствующего узкоспециального терминологического аппарата, с помощью которого различные моменты экологичности получили бы адекватное обозначение. Эмотивная лингвоэкология опирается на лингвистическую теорию эмоций как на свою методологическую базу. Поэтому некоторые термины, использованные в данной статье, носят характер научных метафор, а поскольку они создавались в процессе исследования, то, возможно, требуют дальнейших пояснений. При пояснении тех или иных терминов и стоящих за ними понятий мы исходили из того, что ни в одном определении невозможно отразить все стороны определяемого объекта раз и навсегда. Все определения недостаточны, во-первых, потому, что любой объект (в том числе и экологичность) многосторонен, а во-вторых, поскольку мышление бесконечно, то процесс познания этих сторон тоже бесконечен, и потому границы истины подвижны. Поэтому в статье отражён возмозможностный (стохастический), а не строго регламентирующий (детерминирующий) подход.

В данной статье получает дальнейшее развитие идея интегрального подхода к экологичности, который заключается в её понимании как комплексного явления. Эта комплексность связана, с одной стороны, с понятием здорового языка, а с другой стороны, здоровых эмоций, которые рассматриваются в тесной взаимосвязи. Развивается идея сложной взаимосвязи эмотивности и экологичности коммуникации, то есть их интегральное функционирование.

Интегральный подход к анализу экологичности как качеству коммуникации проявляется в анализе эмотивности.

С тех пор, как В.И. Шаховский ввёл в обращение термин «экологичность», прошло почти десять лет [10]. В настоящее время этот термин является одним из наименее понятных, поскольку сфера его применения расширилась и потеряла чёткие ограничительные контуры. Вероятно, в лингвистике всё ещё идёт лишь начальный этап исследования экологичности, то есть стадия инвентаризации её разнообразных проявлений и накопления фактов, за которой начинается стадия их анализа и обобщения.

Гносеология (теория познания) экологичности заключается в установлении специфики отражения пропорции положительных и отрицательных эмоциональных мотивов как элемента объективной действительности в языковых знаках и их значении.

Установленный факт, что эмоциональность и эмотивность присущи текстам любого функционального стиля. В.А. Пищальникова, со ссылкой на результаты исследований, проведённых А.В. Кинцель, пишет, что «эмоциональность текста представляет эмоционально-мотивационную сферу сознания, регулируемую процессы смыслообразования и характер его репрезентации в языке» [15, с. 146].

Под эмотивным текстом понимается, по В.И. Шаховскому, высказывание в пределах одного и более предложений, передающее наряду с фактуальной и эмоциональную информацию (или только одну её) с помощью как минимум одного эмотивного средства — лингвистического или паралингвистического (кинесика, фонация), выражающего определённую эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами в дан-

ной ситуации. Компонентом эмотивного текста является и эмоциональная ситуация, которая сразу же снимает полисемию на оси денотативный-коннотативный аспект значения языковой единицы. С другой стороны, именно рассогласованность с контекстом и ситуацией рождает эмотивную окраску слова [14, с. 69].

В качестве речевого материала в данной статье использован художественный текст, который является, «хотя и стилизованной фиксацией устной разговорной речи, но основные её черты, в принципе, сохраняет» [14, с. 68]. И эстетизированная эмоция, фиксированная в художественном тексте, играет регулирующую роль как в представлении, так и в понимании авторских личностных смыслов [15, с. 146].

Итак, проиллюстрируем на примере фрагмента из художественного рассказа («Ярость» С. Барстоу), как соотносятся эмотивность и экологичность.

Поскольку компонентом эмотивного текста является и эмоциональная ситуация, коротко опишем основную сюжетную линию и вертикальный контекст всего рассказа.

Текст описывает типичную ситуацию семейного конфликта между супругами Флечер: *Временами миссис Флечер думала, что её мужу кролики важнее всего на свете, важнее еды и питья, важнее, чем табак и комфорт, важнее, чем она – или та женщина. Вот и сегодня ей так казалось, в это субботнее утро, когда она смотрела из окна кухни, где готовила обед, туда, где Флечер увлечённо трудился – чистил клетки, кормил зверьков и прихоракивал двух своих любимых ангорских кроликов перед выставкой, которая должна была состояться вечером в Кресли.*

Она была женщина эмоциональная, цепко держалась за то, что считала своим, и готова была энергично защищать свои права. Когда она обхаживала Флечера, она до крови расцарапала свою прежнюю соперницу, которая пригрозила было, что возобновит свои претензии на него. С тех пор ей доводилось и кое с чем похуже соперничать. Вечно, как ей казалось, что-то мешало ей безраздельно владеть Флечером. На сей раз это были кролики.

Формально поводом для конфликта стало опоздание мужа на киносеанс:

– Думаешь, успеешь вернуться к началу сеанса?

– Должен успеть. Самое позднее буду дома полвосьмого.

К половине восьмого она приняла душ, оделась, слегка накрашилась и была готова к выходу. Но Флечер ещё не вернулся. Часы на каминной полке пробили восемь, а его всё не было. Он пришёл только в одиннадцатом часу. Она сидела у камина, не обращая внимания на орущее радио, а спицы в её руках мелькали в беззвучной ярости.

Разрастанию конфликта способствует комментарий соседки:

– Ну что, миссис Флечер, ходили вчера в Палас? – спросила миссис Сайкс. – Ох, что за картина, жаль, что пропустили. Там все ранние христиане и Иисусов плащ, в котором он был на кресте. Чудо как хорошо, и уж до того печально.

– Хотела посмотреть, – сказала миссис Флечер, – да вот Джим из Кресли поздно вернулся. Всё с кроликами своими возится.

– А, ну да, у них же там выставка была, – сказала миссис Сайкс. – Видала я его потом на автовокзале. Он разговаривал с женщиной, вроде сестра ваша.

Миссис Флечер пронзила соседку взглядом. Чего это она? Знает же отлично, что её сестра уже год, как живёт на юге. Миссис Флечер вспыхнула, повернулась и пошла в дом.

Жена обвиняет мужа во вранье. Он уходит из дома:

– Я, по-твоему, совсем уж дура, да? Это ты дурак, только тебе самому невдомёк. Думал, тебе всё с рук сойдет? Неужто думал? Мог бы догадаться, что кто-нибудь тебя там увидит. Выбрал тоже местечко, автовокзал, где народу полно!

Когда дверь за ним закрылась, она постояла с минуту с горящими глазами и раздувающимися ноздрями, дрожа от бешенства. Потом вдруг схватила вазу с каминной полки и шваркнула её вдребезги о решётку. Её руки сжимались и разжимались, а взгляд метался по комнате, пока ярость бессильно kloкотала внутри.

Для иллюстрации наших рассуждений об экологичности текста приведём следующий фрагмент:

В пол-одиннадцатого она готовила ужин в кухне, когда раздался звук отпираемой двери.

– Как я тебе раньше говорил, так и есть, – начал он тихо и серьёзно, с неуклюжестью человека, не привыкшего к выражению тонких чувств. – Я бы тебе вчера рассказал, только смысла не видел. У меня с ней всё кончено. Но она меня дожидалась там у выхода. Я ей сказал, что не хочу её больше видеть. Между нами ничего особенного и раньше не было. Да она всё не отставала. Вцепилась в меня. А я посмотрел на неё, размалёванную, и подумал: дурак же я был, что рисковал тем, чем дорожу, из-за этой наглой бабы. Часа два не мог от неё избавиться. Под конец она совсем распоясалась. Стала орать и ругаться прямо на улице. Ужас. – Флечер вздохнул, покачал головой; у миссис Флечер будто дрожь прошла по телу. – Пришлось вскочить в автобус и бросить её там. Больше ничего не оставалось, разве что съездить ей по уху...

Когда он кончил свой рассказ, что-то словно надломилось внутри миссис Флечер, и она тихо заплакала. Он обнял её, сначала нерешительно, потом, увидев, что она не противится, крепче и притянул к себе.

Эмотивный анализ данного фрагмента показывает, что эмотивная стилистика Флечера не отличается эстетичностью («приличностью упаковки»): он использует стилистически сниженные отрицательнооценочные коннотативы (грубые слова и просторечие): *не отставала, вцепилась, размалёванная, наглая баба, не мог избавиться, совсем распоясалась, стала орать прямо на улице, пришлось вскочить в автобус и бросить её там, ничего не оставалось, разве съездить ей по уху.*

Частично подобную стилистику можно объяснить уровнем образования и сферой профессиональной деятельности Флечера (по сюжету он работает вокзальным носильщиком).

Однако из данного фрагмента очевидны эмотивные мотивы мужа: искренность (*начал он тихо и серьёзно, с неуклюжестью человека, не привыкшего к выражению тон-*

ких чувств), доброжелательность (*как я тебе раньше говорил, так и есть... я бы тебе вчера рассказал, только смысла не видел*), этичность (*дурак же я был, что рисковал тем, чем дорожу, из-за этой наглой бабы*) в отношении жены, с которой он хочет помириться. По этим трём параметрам текст его прямой речи экологичен.

Флечер выражает положительные эмоции в адрес супруги и отрицательные эмоции в адрес другой женщины. Эти его эмотивные мотивы напрямую отражаются на экологичности создаваемого им текста.

Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение лишь некоторых актуальных проблем экологичности: её соотношения с эмотивностью, её коммуникативная значимость, проблема её лексикографической формализации, проблема поиска методов, адекватно описывающих экологичность как прагматическую коммуникативно-семантическую категорию. Учитывая сложность и неразработанность проблемы экологичности, мы не настаиваем на единственно возможном подходе к той части проблем, которым посвящена данная статья, и будем благодарны любой конструктивной критике.

Данная статья продолжает серию работ по эмотивной лингвоэкологии [10; 11 и др.]. Она посвящена проблеме определения научных границ терминопонятия «экологичность». Как показал анализ теоретической литературы, семантика данного термина в лингвистических исследованиях не является прозрачной. Попытка рассмотреть экологичность через призму эмотивности объясняется фактором эмоциональной прагматики любого общения, а в её основе – соотношением эмоций и мотивов говорящих, а также отсутствием определений экологичности, учитывающих очевидность фактора влияния на неё эмоциональной мотивации. Таким образом, в данной статье формулируется стохастически новый научный подход к пониманию феномена экологичности коммуникации и предлагается обоснование для решения теоретически значимой проблемы связи экологичности и эмотивности. Данная тема является актуальной, поскольку в настоящее время возникла необходимость по-новому переоценить значимость эмоций человека как мотивационной основы всей его деятельности, в

том числе и речевой, с позиций человекоориентированной лингвистики, в которой значимость человека с его сложно организованным внутренним миром эмоций признаётся самоочевидной и первоочередной, исходя из экоориентированности науки нового времени. При таком подходе эмоции человека могут признаваться ведущим фактором в экологичности общения и убедительно демонстрировать значимость лингвистической категории эмотивности для разработки пробной теории экологичности общения, определения лингвистического статуса экологичности, а также выработки рекомендаций по её практике в реальной коммуникации.

Отметим, что действительно трудно не согласиться с тем, что «любая новая наука, особенно если она претендует на интегративность, всегда является особенно привлекательной, и её представители порой склонны в той или иной степени преувеличивать её значимость» [1, с. 9].

В ряде наших собственных статей мы с энтузиазмом описывали сближение эмотивной и экологической лингвистик и их значимость, хотя и отдавали себе отчёт в том, что объект, предмет, основные терминопонятия и исследовательский метод эмотивной лингвоэкологии находятся в стадии становления и не всегда отличаются чёткостью формулировок. С начала нашей собственной работы в парадигме эмотивной лингвоэкологии прошло уже около десяти лет, но мы до сих пор считаем семантическую расплывчатость группы используемых нами ключевых терминов одной из главных «точек роста» и перспектив дальнейших изысканий. И причиной этому мы считаем именно интегративность.

Мы понимаем, что эмотивной лингвоэкологии, как одной из новых парадигм, безусловно, предстоит отстоять свою значимость. Мы также не отрицаем опасности преувеличения её значимости в собственных работах, поскольку она – основная система наших научных координат и наш центральный исследовательский интерес. Мы верим в то, что она пройдёт проверку временем и отстоит свои название, объект, предмет, ключевые термины и метод исследования.

На конференциях мы также не раз сталкивались и с тем, что наши коллеги по лингвистике критически воспринимают термин «экологичность». Традиционными являются вопросы о том, не то же ли это самое, что этичное, гармоничное, позитивное, аристократическое общение, максимы Лича и Грейса и т. д. Нам также приходилось слышать, что «новое – это хорошо забытое старое», а также отвечать на вопрос, почему мы фокусируемся на лексическом ярусе языка. В ряде своих работ мы приводили аргументацию по каждому из перечисленных пунктов. Здесь же отметим, что мы с благодарностью принимаем любую критику, поскольку она помогает уточнить научные координаты эмотивной лингвоэкологии и определиться с её теоретической значимостью, практической ценностью и перспективами. Мы также считаем оправданными использованные в статье научные метафоры, которые призваны показать основания для связи понятий *экологичность* и *эмотивность* в эмотивной лингвоэкологии как относительно новой области научного знания, которая является одной из возможных парадигм интерпретации мира экологии эмоций.

Список литературы

1. Димитрова С. Лингвистика и здравый смысл // Русистика 2018: материалы Междунар. науч. симпозиума «Экология языка и современная коммуникация» (Шумен – СОК Камчия), посвящ. 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского / отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: Изд-во «Химера», 2018. С. 9-16.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1984. 1600 с.
3. Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 3 (11). С. 70-78.
4. Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140-161.
5. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 126 с.

6. Маджаева С.И. Эмпатия как лингвоэкологический фактор профессии врача // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 207-213.
7. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS, 2019. 206 с.
9. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: «Перемена», 1998. 149 с.
10. Шаховский В.И., Колосова (Солодовникова) Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31). С. 22-29.
11. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.
12. Солодовникова Н.Г., Бусыга М.В. Термины экологичная и позитивная коммуникация в эмотивном аспекте // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. тр. 11 Междунар. науч.-практ. конф. / сост. Б.Н. Бисеналиева. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, Изд. дом «Астраханский университет», 2020. С. 102-115.
13. Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 132-138.
14. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. 96 с.
15. Пищальникова В.А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134). С. 143-148.

References

1. Dimitrova S. Lingvistika i zdravyy smysl [Linguistics and common sense]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Rusistika 2018: «Ekologiya yazyka i sovremennaya kommunikatsiya» (Shumen – SOK Kamchiya), posvyashchennogo 45-letiyu rusistiki v Shumenskom universitete im. episkopa Konstantina Preslavskogo»* [Proceedings of International Research Symposium “Russistics 2018: “Ecology of language and modern communication” (Shumen – Sanitary and health complex Kamchia), dedicated to the 45th anniversary of Russian studies at Shumen University named after Bishop Konstantin Preslavsky”]. Shumen, Himera Publ., 2018, pp. 9-16. (In Russian).
2. Prokhorov A.M. (ed.-in-chief). *Sovetskiy entsiklopedicheski slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1984, 1600 p. (In Russian).
3. Skovorodnikov A.P. K stanovleniyu sistemy lingvoekologicheskoy terminologii [Towards the formation of a system of linguoecological term]. *Rechevoye obshcheniye: spetsializirovanny vestnik* [Speech Communication: Specialized Bulletin]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 2000, Issue 3 (11), pp. 70-78. (In Russian).
4. Skovorodnikov A.P. K filosofskim osnovaniyam predmetnoy oblasti ekolingvistiki [To the philosophical bases of subject domain of ecolinguistics]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2014, no. 2, pp. 140-161. (In Russian).
5. Selye G. *Stress bez distressa* [Stress without Distress]. Moscow, Progress Publ., 1979, 126 p. (In Russian).
6. Madzhayeva S.I. Empatiya kak lingvoekologicheskiy faktor professii vracha [Empathy as a linguoecological factor in the medical profession]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 1 (134), pp. 207-213. (In Russian).
7. Shakhovskiy V.I. (academ. ed.). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguoecology in the modern Communicative Space]. Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University “Peremena” Publ., 2013, 450 p. (In Russian).
8. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language]. Moscow, Editorial URSS, 2019, 206 p. (In Russian).
9. Shakhovskiy V.I., Sorokin Y.A., Tomasheva I.V. *Tekst i ego kognitivno-emotivnyye metamorfozy* [Text and its Cognitive-Emotive Metamorphoses]. Volgograd, “Peremena” Publ., 1998, 149 p. (In Russian).
10. Shakhovskiy V.I., Kolosova (Solodovnikova) N.G. Lingvoekologiya: ob'yekt, predmet i zadachi [Linguoecology: object, subject and tasks]. *Russkiy yazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze – Russian Language, Literature, Culture at School and University*, 2010, no. 1 (31), pp. 22-29. (In Russian).
11. Shakhovskiy V.I. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of Ecology in the Communicative Circle: Person, Language, Emotions]. Volgograd, Polikarpov I.L. Publ., 2016, 504 p. (In Russian).

12. Solodovnikova N.G., Busyga M.V. Terminy ekologichnaya i pozitivnaya kommunikatsiya v emotivnom aspekte [The terms ecological and positive communication in the emotional aspect]. *Sbornik trudov 11 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Osnovnyye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii»* [Proceedings of the 11th International Research and Practice Conference "Main Issues of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication"]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., Publishing House "Astrakhan University", 2020, pp. 102-115. (In Russian).
13. Shakhovskiy V.I., Volkova P.S. Emotivnost' kak metod vkhozhdeniya v prostranstvo mezhlichnostnoy kommunikatsii [Emotivity as a method of entering the space of interpersonal communication]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 1 (134), pp. 132-138. (In Russian).
14. Shakhovskiy V.I. *Emotivnyy komponent znacheniya i metody ego opisaniya* [Emotivity as a Method of Entering the Space of Interpersonal Communication]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University named after A.S. Serafimovich Publ., 1983, 96 p. (In Russian).
15. Pishchalnikova V.A. Teoriya emotsiy kak mezhdistitsiplinarnaya kontseptsiya issledovaniya rechevoy deyatelnosti [Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 1 (134), pp. 143-148. (In Russian).

Информация об авторе

Солодовникова Наталья Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: tommyboy22@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, систематизация материала, анализ примеров, написание и редактирование всего текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>

Поступила в редакцию 29.07.2020 г.

Поступила после рецензирования 23.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Nataliia G. Solodovnikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: tommyboy22@mail.ru

Contribution: study conception, material systematization, examples analysis, manuscript text drafting and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1985-8678>

Received 29 July 2020

Reviewed 23 September 2020

Accepted for press 25 September 2020